

К ИСТОРИИ ПОЧИТАНИЯ СВТ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО В АЛАНСКОЙ ЦЕРКВИ

С. Н. Малахов

В статье рассматриваются причины, по которым месяц май (Nikkolæ) в аланском церковно-народном календаре получил название в честь святителя Николая Мирликийского. В 1087 г. мощи одного из самых почитаемых святых православного Востока, были перенесены в итальянский город Бари из Мир Ликийских (Малая Азия). Папа Урбан II (1088–1099) учредил в память об этом событии особое празднование с 9 мая 1089 г. Доказывается, что появление названия этого месяца в аланском календаре никак не связано с памятью в честь патриарха Николая Мистика и не является результатом взаимоотношений алан с католической церковью. Установление церковного праздника Перенесения мощей свт. Николая Мирликийского могло быть инициировано правителем Алании, в согласии с митрополитом, по причинам особого почитания святого в среде аланских воинов. Аланы, посещавшие Византию, знали места поклонений свт. Николаю как в Малой Азии, так и в Италии; аланские наемники в составе византийского экспедиционного корпуса воевали в 1156/57 гг. в Южной Италии, в районе городов Бари и Бриндизи. Сближение в церковных вопросах Византии и Запада в конце XI в. временно содействовало распространению этого празднования в восточно-христианской среде, в том числе аланской; самая ранняя маргинальная запись в греческом менологии об этом событии как празднике относится к 1172 г. Суммируя эти наблюдения, автор считает, что память о перенесении мощей свт. Николая Мирликийского могла получить закрепление в аланском церковном календаре между 1087 и 1172 гг. в результате прямых контактов алан с православным греческим населением Южной Италии.

Ключевые слова: святитель Николай Мирликийский, церковный календарь, Алания, перенесение мощей, Южная Италия, месяцеслов, культ святого.

The paper examines the reasons why the month of May (Nikkolæ) in the Alanian church-folk calendar was named in honor of St. Nicholas of Myra. In 1087, the relics of one of the most revered saints of the Orthodox East were transferred to the Italian city of Bari from Myra in Lycia (Asia Minor). Pope Urban II (1088-1099) established a special celebration in memory of this event since 9 May, 1089. It is presumed that the name of this month in the Alanian calendar is not honoring the memory of Patriarch Nikolai Mystic and, thus, is not the result of Alan's relationship with the Catholic Church. Transfer of the relics of St. Nicholas of Myra in Lycia could have been initiated by the ruler of Alania, in agreement with the metropolit, for the reason of special reverence for the saint among the Alanian warriors. Alans, who visited Byzantium, knew the places of worship of St. Nicholas in Asia Minor and Italy; Alan mercenaries in the Byzantine expeditionary corps fought in 1156/57 in Southern Italy, in the cities of Bari and Brindisi. The convergence in church matters of Byzantium and the West at the end of the eleventh century temporarily promoted the spread of this celebration in the Eastern Christian world, among the Alans as well; the earliest marginal record in the Greek menology of this event, as a holiday, dates back to 1172. Summing up these observations the author considers that the memory of the transfer of the relics of St. Nicholas of Myra in Lycia could be fixed in the Alan church calendar between 1087 and 1172 as a result of direct contacts between the Alans and the Orthodox Greek population of Southern Italy.

Keywords: St. Nicholas of Myra in Lycia, church calendar, Alania, transfer of relics, Southern Italy, menology, cult of the saint.

В 1087 г. мощи святителя Николая Мирликийского, одного из самых почитаемых святых православного Востока, были перенесены в итальянский город Бари из Мир Ликийских (Малая Азия). В честь этого события папа Урбан II (1088–1099) после прибытия мощей в Южную Италию, которое сопровождалось многими исцелениями страждущих, учредил особое празднование 9 мая.

Память о свт. Николае, нашла отражение и в аланском православном ономастиконе, в частности, в народном названии весеннего месяца, приходившемся на конец апреля-начало мая (*Nikkolaj tæjæ*); в это время года начиналась пашня. В. И. Абаев отмечал, что св. Николай в старину был весьма почитаем у дигорцев наряду со св. Георгием и св. Ильей [1, 181], а культ Николая Чудотворца был тесно связан с земледелием. Праздник в честь св. Николая (*Никколайи кувд*) отмечается жителями с. Лезгор и окрестных сел Дигорского ущелья, этому же святому посвящено и «святилище» — пещерная часовня [2, 119, 120; 3, 225]. Название месяца начала пахоты — как у осетин (осет. *Хацаубон* — месяц Пасхи), так и у балкарцев и карачаевцев (*Хычауман ай*) было унаследовано от алан; в зависимости от времени наступления в горах весны, в одних случаях начало возделывания земли могло приходиться на март-апрель, в других случаях — на апрель-май. Позднее в народном календаре весенний месяц у карачаевцев и балкарцев обозначался через термин *луккур*, так называли коленообразную часть горского пахотного орудия — *сабан агъач* [4, 17].

В научной литературе утвердился тезис о том, что появление названия месяца мая в аланском календаре связано непосредственно с именем константинопольского патриарха Николая Мистика (901–906, 912–925), выступившего инициатором крещения алан [4, 17; 5; 6, 201], однако это положение представляется спорным. Приведем ряд аргументов.

В богослужении на православном Востоке придерживались трем Устам (Типиконам): Великой церкви, Студийскому и Савваитскому Иерусалимскому. Устав Великой церкви сформировался на основе литургической практики Св. Софии Константинопольской, в календарном разделе которого было много местных (столичных) празднеств, в том числе и почитание святыми всех константинопольских патриархов, памяти их были объединены в группы по несколько святителей по хронологическому признаку, по мере изменения богослужебной практики, вытеснения Устава Великой Церкви, другими уставами, особенно после 1204 г., памяти патриархов все меньше сохранялись в месяцесловах, особенно на периферии византийского церковного мира, что подтверждают в определенной степени древнерусские месяцесловы [7, 67–70].

В источниках не сохранились сведения о том, по какому уставу (типикону) жила Аланская Церковь, можно лишь только предполагать, что она придерживалась Устава Великой церкви и, возможно, память патриарха Николая Мистика чтилась особо. Он был причислен Церковью к сонму святых, его память отмечалась 16 мая. Однако маловероятно, чтобы почитание константинопольского патриарха приобрело особый размах, чтобы затем отразиться в народном календаре и сохраниться на столетия. Скорее всего, у алан имело место наложение празднования памяти патриарха Николая Мистика (что, кстати, пока не подтверждается источниками) на день поминаения свт. Николая Мирликийского, приходящийся на май месяц церковного календаря.

Следует отметить, что до конца XI в. память свт. Николая Чудотворца отмечалась в византийском календаре только 7 декабря (Никола Зимний русского календаря). Однако клириком Никифором в 1087 году был составлен Пролог на перенесение мощей свт. Николая Чудо-

творца в Бари. Торжественное событие было занесено в Римский мартиролог под 9 мая, после чего начинают ежегодно отмечать память этого святителя в Римской Церкви [8, 396-427; 9, 421-585; 10, 135-166]. По наблюдениям церковных историков, папа Урбан II установил праздник Перенесения мощей 9 мая 1089 г. не для всей Римской Церкви [11, 190-192], а только для местной, Апулийской, в которой прихожанами были преимущественно православные греки. Поэтому празднование перенесения мощей Николая Чудотворца в ряде византийских митрополий не следует рассматривать как прямое указание на некое подчинение этих диоцезов католическому Риму, в частности, Русской митрополии — западной юрисдикции [12, 308]. В русских летописях сообщение о перенесении мощей свт. Николая показывается под различными годами: 1087-м, 1089-м, 1095-м и 1096-м. Наиболее вероятно, что перенесение мощей из Мир Ликийских в Бари произошло в 1087 году — 9 мая выпадало тогда на воскресенье (Пасха была 28 марта). Установление этого праздника на Руси приписывают митрополиту Ефрему, управлявшему Киевской митрополией между владыками Иоанном III и Николаем (1091–1097) [13, 30-31]. Но, скорее всего, правило отмечать это событие было уже узаконено при митрополите Иоанне II (1077–1089), в годы его владычества в летописи упоминается о перенесении мощей свт. Николая [14, 99]. «Слава» святителя как Чудотворца, быстрое перемещение его останков в Бари (мощи святителя были похищены 47 «барянами» из «турецкого» пленения и беспрепятственно доставлены в Италию) способствовали усилению его культа не только на православном Востоке и в Италии, но и на Руси. Пытаясь определить причины популярности этого святого на Руси церковный исследователь Ф. Гусев пишет: «Главными же побуждениями к установлению праздника 9 мая в честь перенесе-

ния мощей святителя Николая служили, во-первых, глубокое уважение к святителю Николаю, издавна господствовавшие на всем Востоке и из Греции, перешедшие в Россию; во-вторых, еще более, весть о многочисленных чудесах, какими сопровождалось перенесение мощей из Мир Ликийских в апулийский город Бар, где жили еще христиане православного вероисповедания, подведомые Царьградскому патриарху, хотя находились уже и латиняне; и, наконец, то важное обстоятельство, что во время самого перенесения мощей святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца, он и в Киеве совершил различные чудеса...» [13, 31-32]. Появление древнерусских памятников, описывающих житие и чудеса святителя Николая Мирликийского, составленных иноком Печерского монастыря Ефремом, жившем в Константинополе в 1055-1073 гг., а позднее бывшем во главе Киевской митрополии, отражает возросший интерес к этому святому на христианском Востоке во второй половине XI века [15; 16].

Алано-византийские церковные и культурные контакты, поездки аланской знати в Константинополь, прибытие греческих монахов в Аланию, служба аланских наемников в византийской армии способствовали укреплению и распространению культа свт. Николая, бывшего известным покровителем путешественников, в том числе и по морю. Антропоним Николай был распространен среди монашеской братии и прихожан Алании. Вероятно, аланы, посещавшие территорию Византию, имели возможность ближе познакомиться с местами почитания свт. Николая Мирликийского, как до перенесения мощей, в Малой Азии, так и позже, когда в правление византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) аланские дружины были в составе экспедиционного корпуса, воевавшего в 1156/57 гг. в Южной Италии, в районе городов Бари и Бриндизи [17, 91]. Таким

образом, это дает основание утверждать, что в аланском календаре празднование памяти Николая Чудотворца, закрепившееся со временем в названии весеннего месяца, приходящегося на конец апреля-начало мая, могло возникнуть уже после 1087/8 г. Следовательно, аланское название этого месяца отразило не только память о важном событии в восточнохристианском мире — перенесении мощей святителя Николая Мирликийского в Бари, но и указывает на древние христианские истоки формирования некоторых элементов народного календаря алан-осетин.

Конечно, можно допустить, что память о «Николе Вешнем», отложившаяся в осетинском календаре, более поздняя и появилась под влиянием русских святцев с конца XVIII в., как результат деятельности русской православной миссии, и никак не связана с аланским календарем. Но этой гипотезе противоречит старинное название весеннего месяца в честь свт. Николая и у балкарцев, которые не подвергались христианизации русскими миссионерами.

Остается невыясненным еще одно обстоятельство — пути проникновения этой памятной даты в аланский и древнерусский месяцесловы. В греческих (византийских) святцах праздник Перенесения мощей свт. Николая (9 мая) не отмечается, а в южнославянских памятниках церковной письменности упоминание праздника св. Николы Вешнего связано либо с западной, либо русской традицией. И возникает закономерный вопрос: если название аланского месяца мая древнее, то оно могло быть связано либо с древнерусским, либо западноевропейским влиянием.

Действительно, установление праздника «вешнего Николы» на Руси после 1091 г. исследователями приписывалось и приписывается многими современными исследователями русско-западнотюркским языковым и культурным, в

меньшей степени, — церковным связям (см.: [18-22]). Если следовать этому тезису, то тогда совершенно невозможно объяснить появление памяти о свт. Николае в аланском календаре, если только не признать, что он был установлен в честь патриарха Николая Мистика, или явился результатом алано-западных (католических) отношений. Но подобные выводы, на наш взгляд, выглядят поспешными.

Болгарский исследователь И. Дуйчев, например, считал, что введение данного праздника на Руси могло произойти через посредство сицилийских и южно-итальянских греков, которые были хорошо знакомы с этой церковной датой [22, 181-122]. Такой порядок не исключен был и для алан. Этот праздник был известен южно-итальянским грекам, что подтверждается упоминанием его в Месяцеслове Кристоферратского монастыря [23, 98-99; 24, 906-907] XIII в., но в собственно Византийской империи этот праздник, как считалось до недавнего времени, не был официально принят греческой православной Церковью. Но и на католическом Западе чествование 9 мая свт. Николая не получило широкого распространения, а имело характер местного праздника, отмечавшегося православными греками Апулии.

Апулия и Калабрия на карте католической Италии и Европы, как области населенные греками, считались особыми в конфессиональном отношении, они даже выделялись в древнерусской книжности. В статье о «Франзех и прочих латынях» из Сборника преп. Кирилла Белозерского (1337-1427) (РНБ, Кирилло-Белозерское собрание, №XII), в частности, сообщается, что «Калаври же христіане суть правочерніи издавна и въ обычаих апостольскыя църкве въспитане <...> чюджи варварьских ради обычаи...» [25, 101]. Все это дает основание исследователям утверждать, что празднование Перенесения мощей Николая Чудотворца, хотя и относится к праздникам католической

церкви, но его учреждение в Русской митрополии было «самостоятельной акцией Русской церкви» [26, 102; 27, 227], несмотря на то, что праздник не входил в число официально признанных Константинопольской церковью. В. А. Мошин предполагал, что праздник на Руси был установлен между 1087-1090 гг., скорее всего, при посредстве дочери великого князя Всеволода — Евпраксии-Адельгейды, супруги императора Генриха IV, которая присутствовала при этом событии [21, 77].

Установление на Руси праздника в честь перенесения мощей свт. Николая А. В. Назаренко связывает с прямыми контактами киевского князя Всеволода и папы Урбана II. По мнению исследователя, эти связи шли в разрез с интересами византийской дипломатии, поскольку перемещение мощей выглядело «похищением»; по мнению историка, праздника 9 мая греческая церковь никогда не знала, киевский митрополит-грек, не мог санкционировать такой праздник, и его учредили только после смерти митрополита Иоанна III в 1091 г. не без согласия киевского князя. Более того, А. В. Назаренко полагает, что русские послы даже присутствовали осенью 1089 г. в Бари [28, 557-558]. Хотя автор и отстаивает спорный западный «генезис» возникновения памяти Перенесения мощей свт. Николая в древнерусской церковной традиции, в данном случае для нас важно иное: инициатором учреждения этого праздника на Руси выступила дочь князя Всеволода, представительница правящего великокняжеского рода, а возможно, и лично сам киевский князь.

Установление в аланском календаре церковного празднества в память об этом событии также могло быть инициировано эксусиократором Алании, или членами его семьи, в согласии с митрополитом Алании, по причинам особого почитания свт. Николая Мирликийского в среде аланских воинов-дружинников. В любом случае мы можем констатировать: празд-

нование перенесения мощей свт. Николая Чудотворца, приходящееся в святцах на 9 мая и закрепленное в осетинском народном календаре в названии весеннего месяца, могло возникнуть в период с 1087 (или 1090 года) по 1158 год вследствие прямых алано-греческих (южно-итальянских) или, что менее вероятно, — алано-русских церковных связей. Как уже было выше отмечено, алано-греческие контакты в Южной Италии (приведшие к более близкому знакомству алан с почитанием свт. Николая в Бари) могли произойти в период участия аланского контингента в военных действиях византийской армии в Италии в правление императора Мануила I.

Однако, опираясь на новейшие исследования [29, 186-190], нельзя исключать и иной версии: праздник Перенесения мощей свт. Николая, арх. Мир Ликийских, мог быть заимствован аланами в результате прямых алано-византийских церковно-культурных связей. Исследования греческих месяцесловов, проведенные в последние годы, указывают, что память о Перенесении мощей Николая Чудотворца, отмечалась и на византийской территории, хотя и не повсеместно. Дата 9 мая, связанная с памятью Николая Чудотворца, присутствует не только в Типиконе Крпиферратского монастыря 1300 г., но также фиксируется в маргинальных записях Синаксаря Лейпцигского университета 1172 г. и синаксаре XII в. из Библиотеки университета в Мессине [30, 665, 672]. На основании латинской хроники Никифора (греческая редакция не позднее 1087/1088 г.), рассказывающей об экспедиции купцов из Бари в Миры Ликийские, было написано греческое Слово на перенесение мощей свт. Николая (BHG. N 1361b) [31, 435-449]. В грекоязычной среде, о чем свидетельствует майская служебная Минея 1431 г. из Ватопедского монастыря, №1145 (Афон), празднование перенесения мощей отмечалось

еще и 20 мая. Канон, посвященный этому событию, был составлен монахом Иовом Мелисом. Возможно, им был церковный деятель, писатель и монах Иов (Иасит Мелиас), советник константинопольского патриарха Иосифа I, автор Томоса против латинян, сосланный в Вифинию (Малая Азия) в 1275 г. [32, 667; 33, 1042]. Атрибуция этого канона Иову Мелису указывает на то, что память свт. Николая отмечалась не только 9 мая, но и 20 мая, по крайней мере, с последней четверти XIII в. Несомненно, 9 мая праздновалось и в Византии [29, 187]; эта дата была известна не только грекам Южной Италии.

Важно также отметить, что перенесение мощей в Бари состоялось в период кратковременного потепления отношений Византийской империи с Западом. В 1089 г. папа Урбан II вновь активизировал политику по восстановлению церковного единства, нарушенного в ходе раскола 1054 г. Как сообщается в хронике Бернольда, папа снял с византийского императора отлучение [34, а.1089], а в обмен получил разрешение Алексея I Комнина (1081–1118) на возобновление запрещенного было опресночного богослужения в латинских храмах на территории Византийской империи; также была достигнута договоренность о созыве церковного собора [35, 38–67]. На этот период приходится два митрополичьих русских посольства в Италию: первое доставило послание киевского митрополита Иоанна II (до 1077/8–1089) антипапе Клименту III [28, 358; 36, 30–35; 37, 285–290], а по итогам второго «грек митрополичь» Феодор (вероятно, в 1091/2 г.) от папы римского привез в Киев «много мощей святых» [38, 116]; вероятно, среди них могли быть и свя-

тые частицы мощей свт. Николая. Стиль летописного сообщения о перенесении мощей также указывает на отсутствие конфронтации между восточной и западной Церквами по поводу этого события, и значение его подчеркивается поименованием высших лиц Византии и Руси, в правление которых это произошло: «Пренесоша мощи святого Николы от Миръ в Баръ при царе Алексии, при патриарсе Николе, при князи Всеволоде Киевском, при сыне его Володимере Черниговском» [14, 98]. Перемещение мощей проходит как бы в грекоязычном «православном пространстве»: из Мир Ликийских в апулийский Бар и не воспринимается как злонамеренное похищение враждебными католиками.

Итак, возникшее «потепление» в церковно-политических отношениях между Византией и Западом послужило той благоприятной средой, которая временно содействовала распространению, хотя и не повсеместному, празднования перенесения мощей Николая Чудотворца в восточно-христианской среде, в том числе греческой, русской и аланской. Суммируя приведенные данные можно предполагать, что память о перенесении мощей свт. Николая из Мир Ликийских в Бари в византийских церквях могла уже отмечаться с середины XII в., а возможно, и раньше, поскольку самая ранняя греческая маргинальная запись об этом событии относится к 1172 г. Эти данные не противоречат высказанному выше предположению о времени закрепления церковного празднования перенесения мощей свт. Николая Чудотворца в аланском календаре: в любом случае в Аланской митрополии это могло произойти после 1087, но и не позднее 1172 года.

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2.
2. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
3. Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
4. Шаманов И. М. Календарь и календарная обрядность карачаевцев и балкарцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989. С. 5-47.
5. Сланов А. А. Традиционная духовная культура осетин: Учебное пособие. Владикавказ, 2007.
6. Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М., 2014.
7. Лосева О. В. Местные константинопольские праздники и их влияние на древнерусские календари // Историческая роль Константинополя (в память о 550-летию падения византийской столицы). Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2003. С. 67-70.
8. Антонин (*Капустин*), *архимандрит*. Перенесение мощей святителя и Чудотворца Николая из Ликий в Италию // Труды Киевской духовной академии. 1870. 2-я часть (май). С. 396-427.
9. Красовский А. Установление в Русской Церкви праздника 9 мая в память перенесения мощей святителя Николая из Мир Ликийских в Бар-град // Труды Киевской духовной академии. 1874. Декабрь. С. 421-585.
10. Чоффари Дж. Перенесение мощей святителя Николая в латинских источниках XI в. и в русских рукописях // «Правило веры и образ кротости...» Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 135-163.
11. Meisen K. Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande. Mainz: Schwann (Selbstverlag der Gesellschaft für Mittelrheinische Kirchengeschichte), 1931.
12. Терещенко А. В. Быт русского народа. М., 1997.
13. Гусев Ф. Житие святителя Николая Мирликийского. М., 2005.
14. Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). СПб., 2002. Т. 42.
15. Леонид (*Кавелин*), *архимандрит*. Житие и чудеса Николая Мирликийского и похвала ему. Исследование двух памятников древнерусской письменности. СПб., 1881.
16. Посмертные чудеса святителя Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца. Памятник древнерусской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV века библиотеки Троице-Сергиевой лавры, №9). СПб., 1888.
17. Малахов С. Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М., 2015.
18. Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. М., 2016.
19. Голубинский Е. История русской церкви. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1901. Т. I. 1-я половина тома.
20. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

21. Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей // Русь и южные славяне. СПб., 1998. С. 7-113.
22. Duicev I. Riflessi della religiosità italo-greca nel mondo slavo ortodosso // La Chiesa greca in Italia dall' 8 al 16 secolo: Atti del Convengo Storico Interecclesiale: Bari, 30 apr. — 4 magg. 1969. Padova, 1973. Vol. 1. pp. 181-222.
23. Toscani Th. Ad Typica graecorum. Roma, 1864.
24. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т.1: Τυπικά. Киев, 1895.
25. Энциклопедия русского игумена XIV-XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского/Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.
26. Лосева О. В. Русские месяцесловы XI-XIV веков. М., 2001.
27. Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014.
28. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М., 2001.
29. Лосева О. В. Известия о перенесении мощей свт. Николая Чудотворца из Мир в Бари (по греческой Афонской рукописи Vatopediou 1145, 1431 г.) // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 186-190.
30. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano/Ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902.
31. Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. Leipzig, Berlin, 1913. Т. 1.
32. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959.
33. Macrides R. J. Job // The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1042.
34. Bernoldi Chronicon/Ed. G. H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. SS. 1866. Т. 5.
35. Holtzmann W. Unionsverhandlungen zwischen Kaisers Alexios I. Und Papst Urban II. im Jahre 1089 // Byzantinische Zeitschrift. 1928. Bd. 28. S. 38-67.
36. Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI-XIII вв.: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992.
37. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237)/Изд. 2-е, исправлен. и дополн. для русск. перев.; перев. А. В. Назаренко под ред. К. К. Аментьева. СПб, 1996.
38. ПСРЛ. М., 2000. Т. 9.